

АКСИО-ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: О ПЕРСПЕКТИВАХ БЫТИЯ «СЛАВЯНО-РУССКОГО МИРА»

В.В. ШМИДТ

*Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь*

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня, когда перед обществом и его государством стоит одна из актуальнейших задач в смысле их самосохранения в глобальном деперсонифицируемом кратократией мире – самоидентифицированной персонифицированности «славяно-русского мира», нужно найти, но лучше сказать, – давая себе отчет о своей исторической судьбе, увидеть и сохранить все то, на чем возрастали наши предки, собственно мы – наша цивилизация. И все окажется довольно просто: нужно лишь собрать и стиражировать во всеобщее употребление цивилизационные тексты – созданное в Рах Orthodox духовно-интеллектуальное наследие – культурный гипертекст, который удерживает-стабилизирует как собственно картину мира, так и тиражируется-порождается этой же картиной мира.

Эту задачу отчетливо понимали наши предки, когда начинали подобные работы фактически с нуля и в веке XVI, и в XVII, и в XIX. Век XX должен был стать интегративно-бифуркационным, что находит подтверждение в публикуемом ниже, в приложении, систематическом обзоре архимандрита Киприана (Керна) русских переводов патристических текстов, но этому не суждено было осуществиться. И вот наступивший XXI в., обостряя, ставит все те же задачи – создание «Антологии мировой мысли» с ее основой – «Патрологией Россияка». Формулированию и обоснованию этих задач посвящается настоящая статья.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Сохранение социокультурной как свое-этнонациональной идентичности в глобализирующемся и динамично меняющемся метафизические парадигмы мире и вместе с тем обеспечение адекватной социализации индивидов в большей степени зависит от типа и уровня организации системы образования, просвещения, воспитания и системы идеологии-пропаганды¹.

Логичной в данной перспективе видится проблема базовых ценностей – того, что именно понимается под ними. Так, базовые ценности – это, прежде всего, ценности бытия, ценности той оригинальной картины мира, которая удерживается общественным сознанием, в которой ведется активное целеполагание и в которой используется разного рода семиотические системы для решения всех видов задач, стоящих перед обществом с его государством. Понимание типа метафизической системы, уровней и принципов организации данной системы и ее связи с социальной физикой – вот тот предел, которому должен быть обучен всякий транслирующий историко-культурное знание, всякий обеспечивающий социализацию подрастающих поколений и через то влияющий на качество национально-государственной мощи, перспективы развития страны.

Ретроспективный анализ исторических моделей мироздания от Античности (т.е. космоцентризма с его угадыванием образа бытия и человеком как эманацией Космоса), Средневековья (т.е. теоцентризма с его доверием воле Творца и человеком как образом и подобием Божиим) к Новому времени (т.е. антропоцентризму с его расположенностью к феноменам Бытия и человеком, понимаемым как жизненный мир человека), последовательно перетекающему в Новейшее время (т.е. многополярному свободоволию с его деперсонифицированным функциократизмом – кратократией) – анализ этих моделей с их категориями «бытие», «сущее» и «ничто» в сопоставлении с социально-историческими моделями государственно-политического миропорядка, дает нам основания утверждать о тотальной взаимозависимости этих моделей не только в части их формо-зависимости, но и содержательном взаимовлиянии. Представляется, что без учета данного феномена в принципе невозможен адекватный уровень социализации, о которой сказано выше, следовательно, и недопустимо построение модели образовательного стандарта по любой дисциплине гуманитарного цикла.

¹ Под идеологией понимается санкционированная политическим институтом система ценностноокрашенных взглядов-стереотипов (правовых, этических, религиозных, эстетических, философских, социокультурных, научно-парадигмальных и т.д.) на действительность и общественные отношения через призму интересов социальных групп; идеология включает в себя политическую мифологию, которая, по сути, есть лишь качественно иной уровень текста, в котором личность и социум воплощают свое видение социокультурного, социально-политического процесса и свое эмоциональное отношение к нему. Идеология реализуется в политике, одним из средств которой является пропаганда с ее обеспечительным ресурсом, включая инструментарий.

Проиллюстрируем данное утверждение.

Средневековье с его теоцентризмом – иеро-авто-кратиями – можно полагать завершившимся в 1648 г. «Вестфальским миром», когда в совокупную фюсисно-метафизическую жизнь вошли правовые и всем континентом однообразно понимаемые понятия «национальное государство», «суверенитет» и др. Принципом этой первой – Вестфальской – системы международных отношений (СМО) был утвержден принцип «баланса сил» с его национально-государственным *raison d'état* (Ришелье), философско-рационалистическое и социально-политическое обоснование которого как обеспечивающее и поддерживающее «равновесие сил» принадлежит в том числе и Вильгельму Оранскому. Эта система просуществовала почти 200 лет, поскольку продолжала удерживать метафизические – т.е. духовно-нравственные – концепты Средневековья, обеспечивающие сакральную легитимацию власти не только Великокняжеской, Королевской, Царской, Императорской, но и собственно этно-национальной – национально-государственного суверенитета [1].

В 1815 г. эта Вестфальская система была трансформирована в Венскую СМО, поскольку религиозно-философский Миттерниховский «легитимизм» был окончательно разрушен Бисмарковским принципом *real politic* и Талейрано-Наполеоновской «беспроеигрышной игрой». На смену гарантов «баланса сил» пришли «священные союзы», создаваемые исходя из не только стратегических, но и тактических региональных интересов. Так, становилось очевидно, что «священные союзы» есть прямой путь к мировой войне, которая случилось буквально через столетие, и в окончательно десакрализованном мире в 1918 г. возникает новая – Версальская система, которая в этих новейших условиях стремится хотя бы как-то обеспечить мир – возникает «Лига наций» с ее задачей обеспечения «коллективной безопасности».

Далее, теперь менее чем через полстолетия – через 30 лет – ради преодоления множества региональных конфликтов, неизбежно выливающихся в мировые войны, в 1945 г. фиксируется Ялтинско-Потсдамская СМО и как механизм регулирования противоречий и конфликтов в 1945 г. создается ООН, активно выдвигающая то доктрины сдерживания, то гибкого реагирования и т.д. в цивилизационном противостоянии «п»-полюсного мира с его гегемонистскими устремлениями и центрами доминирующей силы.

Очевидно, что каждая из этих систем есть не что иное, как отражение искания духовно-социально-политических устремлений народов – т.е. обществ-государств – на пути трансформации содержания ценностных переживаний мироздания и самих себя в самих себе.

Духовная, социокультурная история Руси-России не есть история стороннего свидетеля, движущегося своим путем, как иногда это представляется в отечественной историографии, а непосредственный участник всех этих бурных событий.

Время религиозных войн Средневековья, как известно, завершается 30-летней войной европейских этносоциальных за свою новую форму – национально-государственное самоопределение, свою персонифицированность. Русь же как преемница Ромейско-Византийской империи пытается также обрести – персонифицировать себя, но как ответственная за сохранение и трансляцию выработанного Вселенским Православием наследия и за Православную Эйкумену в целом. И если Европа строит этно-национальный этатоцентризм, то Русь развивает, исходя из своих масштабов и приобретенного наследия, экклесио-этатоцентризм. Если Европа исходит в строительстве своего мира из опыта парменидо-аристотеле-августино-декартовской рационалистической персонификации, то Россия стремится к консолидации-охранению *Pax Orthodox* из опыта платоно-паламитского философско-богословского синергизма².

Так, XVII в. с выработанным в его недрах кросснациональным и кросскультурным наследием (ответственность за сохранение аксио-онтологических ценностей – фундаментальных ценностей бытия и общежития) и сформированной двухвекторностью «Север – Юг» и «Запад – Восток» геополитических интересов обеспечил России мощь мировой державы, затвердив образ дальнейшей национально-государственной и шире – государственно-эйкуменической (имперско-экклесиологической) – политики, стратегические интересы которой отныне заключаются в удержании социальной, полиэтнической, поликонфессиональной

² Образ и порядок этого типа миропорядка наиболее ярко продемонстрированы в эпоху Патриарха Никона: своей деятельностью Никон ярко выразил многовековую традицию стяжания Святой Руси, активно участвуя в утверждении государственной мощи и величия Церкви на основах святоотеческого предания, напоминая о формуле в предисловии к изданному в 1656 г. Служебнику: «*священство Божественным служит, царство же человеческим владеет и о сем печется. Вкупе же уставы и правила Святых отец, яко от Святаго Духа вдохновенны, облобызающе приемлют и держат*». При нем были открыты мощи (прославлен в лике святых) Великого Князя Даниила Московского; Патриарх регентствовал над государством и обеспечивал обозами русское войско; умелыми политическими шагами он обеспечил объединение славянских народов – Великой, Малой и Белой России, приняв под святительский омофор малороссов, белоруссов, валахцев, предварительно сформировав книгохранилище ромейской мудрости и провел институциональную синопико-унификационную справу в сакрально-обрядовом тексте с целью обеспечения символично-герменевтической гомогенности гипертекста культуры *Pax Orthodox*. На северных рубежах Руси по образу Иерусалимом Крестного м-ря, который стоит на месте крестного древа, и во образ явленного Константину Великому на небе Креста, знаменем которого он утверждал и защищал Православную Эйкумену, в Онежском заливе Белого моря был основан Крестный Кий-островский м-рь с утвержденным там крестомощевиком (ок. 300 частиц святынь Православной Вселенной), сооруженным для молитвенного охранения пределов Православной Вселенной и Российской державы как ее единственной заступницы и хранительницы. Сооруженный на Валдае Иверский Богородицкий м-рь напоминал о святой горе Афон как уделе Богородицы, которая «месту сему до скончания века» будет Заступницей и к Богу о нем теплой Ходатаицей. Воскресенский же м-рь Нового Иерусалима стал образом Града Небесного и иконой Святой Палестины (при его создании принципиально важной являлась, в том числе, и идея зримо-чувственной демонстрации законов Града Небесного в опыте жизни града дольнего – социальной истории державы). См.: *Патриарх Никон. Труды.* – М., 2004.

стабильности и поликультурной открытости миру на основе софийно-иконичного архетипа культурного и социально-политического бытия [2].

Социально-политическая взаимообусловленность как единство, целостность этого мира требует взаимодействия – его усредненности, некоторой унифицированности [3; 4]. Так, европейская секуляризация в определенной степени порождает и секуляризацию в отечественной жизни, чему пример – Соборное уложение 1649 г. с последующим в Петровскую эпоху упразднением Патриаршества, образованием Священного Синода, гуманизацией культуры в Екатерининскую эпоху, вызванную жадой Екатерины Великой «перегнать Европу» в защите национально-общегосударственных интересов, и т.д.

Обращая взор, например, на начало истории Новейшего времени (конец XIX – начало XX в.), мы видим, как исторический не только социально-политический, но и духовный опыт бытия порождает в интеллектуальной среде нации предощущение грядущих катастроф и задает в ее элитах перспективу активного делания.

Так, с 1889 г. при Московском университете издается журнал «Вопросы философии и психологии» (ВФиПс) [5], который просуществовал до 1918 г. Усатривая миссию русского народа в создании философии с приматом этики, идеи добра в синтезе «цельного знания» и при этом отмечая, что русские пока еще не жили своим умом в философии, первый главный редактор журнала проф. Н.Я. Грот призывает учиться у Запада, поскольку «там так работают, как мы еще не умеем», и говорит, что пришло время для самостоятельных философских построений, в связи с чем так определяет суть задачи: «Идея философии состоит в примирении разума, чувства, воли, науки, искусства, религии. Но осуществится ли этот идеал для отдельного народа? – Трудно дать перевеса одному из элементов, и мы, русские, если судить по прежней истории нашего самосознания, по-видимому склонны дать в своем мировоззрении перевес элементу религиозно-этическому, т.е. направлению воли в отношении к ее цели – благу» (1889. Кн. 1. С. XVII–XIX). В следующем журнале в ответ на вопрос о метафизике он говорит, что национальная философия должна быть возведена на непоколебимом фундаменте общей для всех мыслящих существ системы метафизики, которую еще только предстоит создать, опираясь на великие учения прошлого. И уже в 1891 г. сообщает, что большая часть работ, помещенных в журнале, проникнута была идеалистической окраской, без которой глубокое разрешение философских проблем и не может быть достигнуто (кн. 6. С. II).

О возврате к духовным истокам уже в середине XVIII в. после полувекового тотального увлечения российского общества западной культурой и языками М.В. Ломоносов говорил, что сила народа создается, прежде всего, силой его родного языка, а распространение власти народа в мире прямо зависит от распространения его языкового влияния среди других народов. Сила же народного языка определяется мощью, развитостью высшего, наиболее одухотворенного, священного уровня этого языка, поэтому возрождение духовных сил народа он видел в непрестанном чтении православных книг, в живом включении в языковую стихию православного богослужения: люди должны усилием творческой воли возвышаться до духовного уровня церковнославянского языка, а не низводить высокие понятия этого языка на современный бытовой, замутненный иностранными заимствованиями и мирскими страстями русский язык [6, с. 581–582, 587–592].

Вслед за М.В. Ломоносовым и Ф. Ницше говорит о не менее важных духовно-социальных обстоятельствах жизни: «Христианский дух производил высшее основание для плодотворного и тесного взаимодействия каждой национальности» [7, с. 50–52; 8, с. 47 (о языковом самосознании народа как духовной силе нации); 9, с. 202, 211 (о языке как об «органическом существе», выражающем общность народа)]. О подобном говорит в «Мертвых душах» и Н.В. Гоголь: «Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами, рассыпано по святой благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений народов толпится, пестреет и мечется по лицу земли. И всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенностью и других даров Бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выраженье его часть собственного своего характера» [10, с. 102] и «пораженный Божьим чудом созерцатель» наблюдает, как из времени в вечность Русь «мчится вся вдохновенная Богом» и как «постораниваются и дают ей дорогу другие народы» [10, с. 225–226], тоже находящиеся на общем пути из времени в вечность. Так что вместе с каждым народом по дороге истории несется и отличающее его слово.

В Христианстве, в самом его существе, заложено основание для сохранения индивидуальной, единичной особенности и вместе с тем начало к единству – соборности – к единству не только в рамках отдельных государств, но и вселенной. И основой всему, фундаментальным принципом бытия является Любовь (2Кор. 5, 18), о чем ярко в свое время сказал великий Святитель земли Русской Патриарх Никон: «*любви начало бытие и конец Христова пришествие*» [11, с. 118]. Стремление «в языках» к постижению, осмыслению этой фундаментальной основы бытия явилось исторической причиной как необходимостью возникновения особой литературы – христианской, которая есть выражение не просто духа конкретной нации, народности, но, прежде всего, духа Любви.

Еще Патриарх Фотий († 890) в своей «Библиотеке» или «*μυριοβιβλιον*» представляет не просто перечень, но и критику святоотеческих творений, с пространными выдержками из неизвестных сочинений, в том числе

и языческих. Спустя столетия со времени формирования святоотеческой письменности и христианской литературы, XVII в., завершая эпоху Средневековья с его теоцентризмом (христоантропоцентризмом), в патрологии открывает новую эпоху – в арсенал патрологии входит критика, которая становится отраслью научного знания: в 1613 г. Р. Беллармино издает сочинение «De scriptoribus ecclesiasticis», а в 1633 г. Галлуа (Pierre Halloix) «*Illustrium ecclesiae orientalis scriptorum qui sanctitate et eruditione floruerunt*»; в 1686–1711 гг. в Париже Л. Дюпен издает 47-томную «*Nouvelle bibliothèque des auteurs ecclésiastiques*», а дидактическое изложение материала предпринимает Р. Селье в масштабной «*Histoire générale des auteurs sacres et ecclésiastiques*» (Париж, 1729–1763; 1860–1865 [с исправлениями и дополнениями; к этому кругу стоит отнести и труд Тиллемона: «*Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique des six premiers siècles*» (Париж, 1693)]. Каждое очередное систематическое издание святоотеческого наследия мгновенно становилось событием вселенского масштаба, осуществляясь, как правило, усилиями католического мира³.

Непревзойденным образцом системности и масштаба является «*Patrologiae cursus completus*» аббата Миня, состоящая из 161 т. греческой и 222 т. латинской серии [недостатки этого фундаментального труда восполняют издания: Гильгенфельдта «*Novum testamentum extra canonem*» (1866–1877), Гебгардта, Гарнака, Цана (1876–1877), Функа (1878) и др.]. Спустя века также не утратили своей актуальности издания: de la Bigne «*Magna bibliotheca veterum Patrum*» (Париж, 1575; 1654); «*Maxima bibliotheca veterum Patrum*» (Лион, 1677); «*Bibliotheca graeco-latina veterum Patrum*» Галанди (1763; представлено 380 писателей, из которых 180 нет в предшествующих изданиях); 41-томный корпус «*SS. Patrum opuscula selecta*»⁴, изданный в 1880 г. в Инсбруке. С 60-х гг. XX в. осуществляется современное издание святоотеческих текстов: *Sources chrétiennes* (Paris, 1960–...).

В славяно-русской традиции до настоящего времени подобных сводов святоотеческой и общехристианской письменности и литературы, включая древнюю, средневековую, эпохи Возрождения и Нового времени, нет [12]. Пожалуй, первым опытом масштабного книгособирательства, создания библиотек и организации переводов на русский (церковно- и древнерусский) язык святоотеческой литературы, которому так и не суждено было иметь дальнейшее развитие, хотя он и был ярчайшим феноменом общественно-научной, культурной и духовной жизни Руси своего времени, явилась программная деятельность митрополита Московского Макария и Святейшего Патриарха Никона⁵.

Как ранее для западноевропейской традиции, так теперь для славяно-русской, в мире, активно утрачивающем ценности, на которых этот мир взрастал, у цивилизации, трансформирующей основы своей картины мира, стратегической задачей в смысле этно-национальной, культурно-образовательной идентичности и духовной, кросскультурной и социально-политической стабильности является обладание духовными источниками – текстами христианской литературы и святоотеческой письменности, – поскольку «*Внутренняя нераздельность языка и характера народа особенно явствует из отношения языка к народной образованности, которая есть не что иное, как непрерывное развитие духовной жизни...*» и пока народ не утратил своего языка, «до тех пор не погибнет в нем духовная жизнь его предков... Вместе с родным языком, – говорит авторитетный русский филолог Ф.И. Буслаев, – мы нечувствительно впитывали в себя все воззрения на жизнь, основанные на верованиях и обычаях, в которых язык образовался» [13, с. 309–310; 14, с. 88].

ВЫВОДЫ

Сегодня, заботясь о восстановлении созидательной исторической целеустремленности народа и по возможности восполняя утраченное, нам нужно вернуть себя к мировоззренческим устоям, на которых в течение веков складывалось наше самосознание, нам нужно сформировать тот духовно-исторический гипертекст культуры – метафизическое поле культуры, в котором отражается онто-Логосность национального социально-исторического бытия и которое транслируется средствами иконичного языка, предзадающего, в свою очередь, матрицу Бытия. И именно этот гипертекст, который будет зафиксирован на доступных широкому сообществу носителях, является первичным для всякой иной, в том числе и педагогико-дидактической деятельности в обществе, поскольку есть источник.

³ Протестантская традиция по известным причинам игнорировала освоение святоотеческого наследия. Тем не менее в 1677 г. W. Cave издал «*Scriptonim ecclesiasticorum historia litteraria*» (Gen., 1694–1699; Oxf., 1740–1743; Basel, 1741–1745).

⁴ Существует множество неопубликованных сочинений, которые также требуют введения в научный оборот [см. обзоры: греческих рукописей по Мюнхенской, Трирской Hervart'a и Базельской Ehinger'a библиотекам – *Spizel Th. Les saints arcanes des bibliothèques célèbres dévoilés* (1868); *James Th. Choix des manuscrits d'Oxford et de Cambridge* (1600); Thomassini для Падуанской (1639) и Венецианской (1640) библиотек, Spannheim – для Лейденской (1674), Ernst – для Медичийской во Флоренции (1641) и др.].

⁵ Описание книг, которые были в непосредственном распоряжении Патриарха Никона отражает широту интересов и характер перспективных задач, которые могли быть поставлены исходя из имеющихся ресурсов. В собрании Патриарха представлены: – священные книги Нового и Ветхого Заветов; – книги богослужебного содержания; – книги житийного содержания; – книги богословского и просветительского содержания; – книги философского и естественнонаучного содержания; – книги административно-хозяйственные. См. подробнее: Шмидт В.В. Патриарх Никон и его наследие в контексте русской истории, культуры и мысли: Дисс. ... д-ра филос. – М.: РАГС при Президенте РФ, 2007. – Т. 2. – Приложение 5: Книжно-библиотечное наследие Патриарха Никона. С. 269–340; Переписная книга думовой казны Патриарха Никона, составленная в 7166 г. по повелению Царя Алексея Михайловича // *Временник ОИДР*. – 1852. – Кн. 15. – Отд. 2.

Все сказанное указывает на то, что сейчас, обеспечивая тактику и пытаясь нащупать и подготовить наш следующий шаг, мы вновь упускаем главное – стратегию, и так будем ходить по кругу во тьме, если не обеспечим нашу культуру, наше общественное сознание тем источником, на котором они вырастали и взрастали, – каноническим текстом, который из-за сложности перевода его объема все еще остается недоступен широкой массе этого общественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. См., например: История внешней политики России: Конец XV–XVII век / Под ред. Игнатъева А.В. и др. – М., 1999; История международных отношений и внешней политики России (1648–2000) / Под ред. А.С. Протопопова. – М., 2001; Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время: Доклады русско-немецкой науч. конф. 14–16 ноября 2000 / Под ред. А.Ю. Прокопьева. – СПб., 2004; Поршнев Б.Ф. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV–XVIII вв. // Ученые зап. Академии общественных наук. – Вып. 2. – М., 1948. – С. 5–33; Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах: IX–XX вв. – Вып. 1–3. – М., 1995; Фельдман Д.И. История международного права. – М., 1990.
2. Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С. Панарин. – М., 2003.
3. Боханов, А.Н. Русская идея: От Владимира Святого до наших дней / А.Н. Боханов. – М., 2005.
4. Удовик, С.Л. Глобализация: Семиотические подходы / С.Л. Удовик. – М., 2002.
5. О задачах журнала // ВФиПс. 1889. Кн. 1; Еще о задачах журнала // ВФиПс. 1891. Кн. 6 (полную библиографию журнала см.: ВФ. – 1993. – № 9. – С. 126–150; № 11. – С. 122–151; также см.: Барам, Д.Х. К 100-летию журнала «Вопросы философии и психологии» (исторический обзор) // Историко-философский ежегодник. – М., 1989; Чернов, С.А. Мистицизм и критицизм: (Обзор журнала «Вопросы философии и психологии») // Кант и философия в России. – М., 1994.
6. Ломоносов, М.В. О нынешнем состоянии словесных наук в России; предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 10 т. – М. – 1950–1959. – Т. 7.
7. Nietzsche, Fr. Geschichtliches und Methodologisches zur Patistik // Jahrbücher für Deutsche Theologic. – Bd.10. 1865.
8. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М., 1984.
9. Шеллинг, Ф.В.Й. Сочинения: в 2 т. / Ф.В.Й. Шеллинг. – М., 1987–1989. – Т. 2.
10. Гоголь, Н.В. Собрание сочинений: в 9 т. / Н.В. Гоголь – М., 1994. – Т. 5.
11. Письмо к Царю Алексею Михайловичу от Никона Патриарха из Рождественского монастыря во Владимире на зидательное о пребывании в любви // Патриарх Никон. Труды / Научн. исслед., подготовка документов к изд., сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. – М., 2004.
12. См.: Сагарда, Н.И. Лекции по патрологии: I–IV века / Под общ. и научной ред. диак. А. Глушенко и А.Г. Дунаева. – М., 2004; Список литературы // Макаров, Д.И. Антропология и космология св. Григория Паламы (на примере гомилий). – СПб., 2003. – С. 484–534; Саврей, В.Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. – М., 2005.
13. Буслаев, Ф.И. О преподавании отечественного языка: в 2 ч. / Ф.И. Буслаев. – М., 1844. – Ч. 2.
14. Буслаев, Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык / Ф.И. Буслаев. – М., 1848.

AKSIO-ONTOLOGIC HERITAGE OF THE CIVILIZATION: ON PERSPECTIVES OF BEING OF «SLAVIC-AND-RUSSIAN WORLD»

V.V. SHMIDT

Summary

The author integrates world experience of the Christian literature as the spiritually-historical hypertext of culture setting the matrix of Being. In the effort to define the strategy of finding of cultural-educational identity of the «Slavic-and-Russian world» the necessity of turning to the meta-physical fundamentals of self-consciousness, to the world outlook foundations transmitted by means of iconic language is substantiated.

Поступила в редакцию 30 сентября 2008 г.